

Рустем и Зораб: Рустем на охоте

Category: Kitarcy, Poemalar

написано kitarcy | 25 января, 2025

Рустем и Зораб: Рустем на охоте РУСТЕМ И И ЗОРАБ

Персидская повесть, заимствованная из царственной книги Ирана (Шах-Наме´)

Книга первая. Рустем на охоте

I.

Из книги царственной Ирана
Я повесть выпишу для вас
О подвигах Рустема и Зораба.

Заря едва на небе занялася,
Когда Рустем, Ирана богатырь,
Проснулся. Встав с постели, он сказал:
«Мы на царя Афразиаба
Опять идем войною;
Мои сабульские дружины
Готовы; завтра поведу
Их в Истахар, где силы все Ирана
Шах Кейкавус для грозного набега
Соединил. Но чем же я сегодня
Себя займу? Моя рука, мой меч,
Могучий конь мой Гром
Без дела; мне ж безделье нестерпимо».
И на охоту собрался
Рустем; себя стянул широким кушаком,
Колчан с стрелами калеными
Закинул за спину, взял лук огромный,
Кинжал засунул за кушак
И Грома, сильного коня,

Из стойла вывел. Конь, наскучив
Покоем, бешено от радости заржал;
Рустем сел на коня и, не простившись дома
Ни с кем, ни с матерью, ни с братом,
Поехал в путь, оборотив
Глаза, как лев, почуявший добычу,
В ту сторону, где за горами
Лежал Туран.

И, за горы перескакав, увидел
Он множество гуляющих онагрей;
От радости его зарделись щеки;
И начал он
Стрелами, дротиком, арканом
С зверями дикими войну;
И, повалив их боле десяти,
Сложил из хвороста костер,
Зажег его, потом, когда
Он в жаркий уголь превратился,
Переломил большую ель
И насадил
Огромнейшего из онагрей
На этот вертел,
Который был в его руке
Как легкая лоза, и над огнем
Стал поворачивать его тихонько,
Чтоб мясо жирное со всех сторон
Равно обжарилось. Когда же был
Онагрь изжарен, на траву
У светлого потока сел Рустем
И начал голод утолять,
Свою роскошную еду
Водой потока запивая.
Насытившись, он лег и скоро,
При говоре струистых вод,
Под ветвями густого
Широкотенного чинара
Глубоким сном заснул;

А конь его, могучий Гром,
Тем временем, гуляя
По бархатному полю,
Травой медвяною питался.

II.

Но вот, покуда спал
Глубоким сном Рустем,
А Гром по бархатному полю
Гулял, травой медвяною питаюсь, —
Увидя, что такой могучий конь
На пажити заповедной Турана
Без седока по воле бродит,
Толпой сбежались турки.
Замысля овладеть конем,
С арканами к нему они
Подкрались осторожно;
Но конь, аркан почуя,
Как лев озлился
И не заржал, а заревел;
И первому, кто руку на него
Осмелился поднять с арканом,
Зубами голову от шеи оторвал,
А двух других одним ударом
Копыта мертвых повалил.
Но наконец его
Отвсюду обступили;
И метко был аркан ему на шею
Издалека накинута, и его
Опутали, и был он пересилен.
Но хищники, страшась, что в их руках
Он не останется, немедленно вогнали
Его в табун туранских кобылиц,
И разом был припущен Гром
К двенадцати отборным кобылицам;
Но лишь одна из них

Плод от него желанный принесла.

III.

Рустем, проснувшись, тотчас о своем
Коня подумал; смотрит, но коня
Нигде не видит. Никогда
Он от него не убегал
В такую даль. Он свистнул, но на свист
Могучий не примчался конь
И не заржал издалека.
Рустем как бешеный вскочил;
Весь луг широкий, вдоль и поперек,
Весь темный лес, кругом и напролет,
Он обежал – напрасно: нет коня.
И в горе возопил Рустем:
«Мой верный конь, мой славный Гром,
Что без тебя начну я делать?
Скакать, летать привыкши на тебе,
Пойду ль пешком, тащась под грузом лат,
Как черепаха? Что же скажут турки,
Не на седле, а под седлом меня увидя?
Не может быть, чтоб ты, мой Гром, меня
Покинул волею; тебя украли.
Конечно, хищники здесь целым войском
Напали на тебя; никто один
С тобой не совладел бы. Но не время охать,
Рустем; иди пешком, когда умел prospать
Коня». И, конскую с досадой сбрую
С доспехами своими на плеча
Взваливши, он пошел и скоро
Напал на свежий след, и этот след
Его привел перед закатом солнца
Ко граду Семенгаму,
Который вдруг явился вдалеке
Среди равнины пышной,
Сияющий в лучах зари вечерней.

IV.

Рустем подумал: «В этом Семенгаме
Владычествует царь, попеременно друг
Иль враг Ирана иль Турана;
Конечно, он бы и вдали
Рустема на коне узнал;
Но где мой конь? Я пеший
Теперь иду к его столице. Так и быть;
Они коня мне волей иль неволей
Отыщут и меня почтут
Роскошным угощеньем».

Так рассуждал с собой он, подходя
К стенам высоким Семенгама;
А между тем из глаз не выпускал
Следов замеченных; но скоро
Они, к реке приблизившись, пропали
В густом прибрежном камыше.
Тем временем молва достигла до царя,
Что в Семенгам великий богатырь
Рустем идет, что он в лесу царевом
Охотничал и что, утратив
На их земле коня, идет он пеший.
Услыша то, царь повелел,
Чтоб гость великий с почестью великой
Был принят. Все его вельможи,
И все вожди, и всякий, у кого
На голове был шлем, а сбоку меч,
Толпой из Семенгама вышли
Встречать Рустема.
И витязь, витязей светило,
Был ими окружен,
Как солнце пламенным венцом
Вечерних, им блестящих облаков;
С такою свитой в город он вступил
И к царским подошел палатам.

V.

И царь сошел с крыльца принять Рустема.

Он поклонился и сказал:

«Откуда ты, могучий богатырь,

Без провожатых, пеший

Пришел к нам? Забавлялся ль ловлей

В моих заповедных лесах?

Ночлега ли покойного теперь

Здесь ищешь? Рады мы такому гостю;

Весь Семенгам теперь к твоим услугам;

Весь мой народ и все мои богатства

Теперь твои; что повелишь,

То мы и сделаем». Рустему

Смирная понравилась речь;

«Они, – подумал он, –

Передо мной робеют».

И он сказал: «Украден конь мой Гром

Тогда, как на твоём лугу

Я спал, охотой утомленный;

Но след его привел меня сюда;

Он здесь; когда его

Отыщете мне к ночи вы,

Я отплачу сторицей за услугу;

Когда ж мой конь пропал,

Беда и вам и Семенгаму!

Мой меч прорубит мне

К нему широкую дорогу».

Царь, испугавшись, отвечал:

«Не может быть, чтоб на коня

Рустемова кто здесь аркан

Разбойничий дерзнул накинуть.

Будь терпелив, могучий витязь,

Твой Гром найдется; конь Рустемов

Укрыться от молвы не может.

А ты пока будь нашим мирным гостем;

Войди в мой дом и ночь за чашей

Благоуханного вина
В веселье с нами проведи.
Твой конь здесь будет прежде,
Чем свет зари проникнет в пировую
Палату; а теперь пускай она
Одним вином осветится блестящим».

VI.

Лев мужества, Рустем доволен был
Царя приветственной речью,
И гнев заснул в его груди.
Он во дворец вступил с лицом веселым,
И, посадив его на царском месте,
Хозяин-царь не сел с ним рядом;
Он стоя потчевал его.
Соединясь в блестящий полукруг,
Сановники, вожди, придворные вельможи
В почтительном молчанье за царем
Стояли, очи устремив
На светлое лицо Рустема;
Роскошно-лакомой едою
В серебряных богатых блюдах
Был стол уставлен;
В сосудах золотых
Вино сверкало золотое,
И были хинские кувшины
Питьем благоуханным полны.
При звуках струн, при сладком пенье
Младые девы
С очами нежными газел
Напитки гостю подносили,
И он в вине душистом
Души веселье пил,
И было светлого лица его сиянье
Сияньем радости для всех, пред ним стоявших.
За кубком кубок он проворно осушал;

Когда ж едою и питьем
Он вдоволь насладился,
Его в покой, благоухавший муском
И розовой водой опрысканный, ввели;
И на подушках пуховых,
Под тонкой шелковой тканью,
В глубокий сон там погрузился
Рустем, врагов гроза и трепет.

VII.

Но в тихий полуночный час,
При легком шорохе шагов,
Послышался речей приятный шорох;
По имени Рустема кто-то назвал;
Без шума отворилась дверь,
И факелов душистых
Сияньем спальня озарилась;
Рустем открыл глаза:
Темина, дочь царя, владыки Семенгама,
Блистая золотом и жемчугами,
Стояла перед ним,
Прекрасная как дева рая;
За ней, держа в руках
Светильники, стояли
Ее рабыни молодые;
Краса живая легкой Пери
С краснеющей стыдливостию девы
Сливались на ее лице,
Где лилий белизну
Животворил прекрасный пурпур розы.
Но было на ее
Застенчиво потупленные очи
Опущено ресниц густое покрывало,
И за рубиновым замком
Ее цветущих, свежих уст
Скрывалась девственная тайна.

Рустем вскочил, неожиданным изумленный
Виденьем. «Кто ты? – он спросил. –
Зачем ко мне пришла ночной порою?» –
«Я дочь царя, меня зовут Темина, –
Пришлица ночная отвечала. –
Легка я на бегу; ни лань, ни антилопа,
Ни быстрый ветер горный
Меня догнать не могут;
Но догнала меня тоска, мучитель сердца:
Она меня во тьме глубокой ночи
Перед тебя, мой витязь, привела.
Как чудное преданье старины,
Всегда, везде, от всех я слышу повесть
О храбрости твоей великой;
О том, как не страшишься ты
Ни льва, ни тигра, ни слона,
Ни крокодила, как всего
Ирана ты надежная твердыня,
Как весь Туран дрожит перед тобою,
Как на Туранскую ты землю
Ночной порою выезжаешь
На боевом своем коне
И, обскакав ее и вдоль и поперек,
Без страха спишь один и как никто
Не смеет сон глубокий твой нарушить.
Такую повесть о тебе
Всечасно слыша, я давно
Томилася тоской тебя увидеть;
Теперь увидела и быть твоей женой
Готова, если сам, мой храбрый витязь,
Того потребуешь. Доселе
Ни тайный месяца, ни яркий солнца луч
До моего не прикасались тела;
Здесь в целомудрии, в девичьей простоте
Я расцвела; и только в этот миг
Сказала первую любви глубокой тайну.
Возьми, возьми меня, Рустем;

В приданое твердынный этот замок
Тебе я принесу; а утренним подарком
Моим твой конь, твой Гром могучий будет».
Так светлоликая царица говорила,
И витязь слушал со вниманьем
И не сводил с нее очей;
Он разумом ее высоким,
И голосом, как флейта сладким,
И красотой полувоздушной
Во глубине души пленялся.
Когда ж царица замолчала,
Он повелел, чтобы немедля
Один из многомудрых
Мобедов царских
Пошел к царю и от Рустема
Потребовал согласия на брак
Его с царицею Теминой.
Был изумлен владыка Семенгама
Таким неожиданным предложеньем
И голову от радости высокой
Высоким кедром поднял;
Он не замедлил согласиться;
И тут же браком сочетался
Рустем с царицею Теминой;
Но брак их совершен был тайно:
Страшился царь, чтобы, воюя
С Ираном, в злобе на Рустема,
Афразиаб не сокрушил
Его столицы Семенгама.

VIII.

Ночь краткая блаженства миновалась;
Настало утро. Из объятий
Младой супруги вырвался Рустем.
Он снял с руки повязку золотую
И, дав ее Теминой,

Сказал: «Теперь нам должно разлучиться;
Меня в Сабуле ждут
Готовые в поход мои дружины;
А ты храни мой дар заветный;
И если в этот год тебе родится дочь,
Укрась ее моей повязкой;
И будет ведать целый мир,
Что ей отец Рустем.
Но если небо даст нам сына,
Пусть носит он, как я носил,
Мою повязку на руке;
Когда ж он возмужает,
Пришли его ко мне в Сабулистан;
Но ведай наперед, что он
Не иначе явиться может
Мне на глаза, как уж прославясь
Великим делом богатырства;
Его неславного ни знать,
Ни видеть не хочу я –
Пускай в толпе исчезнет,
Покрытый тьмой забвенья
И непримеченный отцом.
Не по его породе знаменитой,
Не по моей повязке золотой
Он будет мной за сына признан –
Нас породнит одна лишь только слава;
С ее свидетельством он должен
Мне от тебя принести мой дар заветный;
Лишь ею он получит право
Сказать в глаза мне: я твой сын.
Но близко день; прости». И он, к горячей груди
Прижав супругу молодую,
Ее с любовью лобызал
В ланиты, очи и уста
И долго от нее не в силах
Был оторваться. Обливаясь
Слезами, от него она

Пошла, и для нее, в час брака овдовевшей,
Блаженство краткое печалью долгой стало.
Тут царь пришел спросить у зятя:
Приятно ль он провел ту ночь?
И объявил, что Гром отыскан.
Обрадован той вестью был Рустем;
Он подошел к коню, его погладил
И оседлал; потом из Семенгама
Поехал, светлый, бодрый духом,
Сперва в Систан, потом в Сабулистан;
И много о своем он думал приключенье,
Но дома никому о нем не говорил. Poemalar